

БУГАЕВА Любовь Дмитриевна / Lyubov BUGAeva

| Топос и телос петербургской утопии: Николай Федоров |

БУГАЕВА Любовь Дмитриевна / Lyubov BUGAeva

Россия, Санкт-Петербург.

Санкт-Петербургский государственный университет, филологический факультет.

Доцент, кандидат филологических наук.

Санкт-Петербургское отделение Российского института культурологии. Старший научный сотрудник.

Russia, St. Petersburg

St. Petersburg State University, Faculty of Philology. Associate Professor, Ph.D.

St. Petersburg branch of the Russian Institute of Cultural Research. Researcher.

lbugaeva@gmail.com

ТОПОС И ТЕЛОС ПЕТЕРБУРГСКОЙ УТОПИИ: НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

В статье на примере повести журналиста Николая Федорова «Вечер в 2217 году» (1906) конструируется семиотическое пространство петербургской утопии, в котором реальная и магическая география Петербурга оказываются тесно связанными. Повесть Н. Федорова перекликается с утопией Э. Беллами «Взгляд назад» (1888) и рисует в петербургском пространстве негативный образ общества будущего.

Ключевые слова: негативная утопия, Петербург, топос, телос

Topos and Telos of St. Petersburg's Utopia: Nikolai Fedorov

The author constructs the semiotic space of the St. Petersburg utopia, taking as an example Nikolai Fedorov's story "An Evening in 2227" (1906). In this space, the real and magical geographies of St. Petersburg are intertwined. N. Fedorov's story echoes E. Bellamy's "Looking Backward: 2000-1887" (1888), and creates, in the St. Petersburg space, a negative image of the future world.

Key words: negative utopia, St. Petersburg, topos, telos

Начало XX века, Прекрасная эпоха, обычно определяется как «золотой век» в развитии новых технологий, естественных наук, медицины, новых направлений в искусстве и литературе. В то же время Прекрасная эпоха — это период, в который происходит интенсивное создание утопий, когда взгляд писателей оказывается нацеленным не на бурное развитие европейского общества «здесь и сейчас», а на различные варианты будущего, результирующиеся из данного «здесь и сейчас».

Именно в этот период в Европе и в России одна за другой публикуются утопии: Эдвард Беллами «Взгляд назад» (Edward Bellamy "Looking Backward", 1888), Уильям Моррис «Вести ниоткуда» (William Morris "News from Nowhere", 1890), Эбенезер Говард «Будущее: мирный путь к реальным реформам» (Ebenezer Howard "To-Morrow: A Peaceful Path to Real Reform", 1898; 2-е изд. «Города-сады будущего» / "Garden Cities of To-morrow"), Герберт Уэллс «Современная утопия» (H. G. Wells "A Modern Utopia", 1905); Н.Н. Шелонский «В мире будущего» (1892), Порфирий Инфантьев «На другой планете» (1901), К.С. Мережковский «Рай земной, или Сон в зимнюю ночь (Сказка-утопия XVII века)» (1903), Н.Д. Федоров «Вечер в 2217 году» (1906), Александр Богданов «Красная звезда» (1908) и многие другие. В период бурного технического прогресса в утопической литературе на первый план выдвигаются не проблемы технического развития, но проблемы биологии: получает развитие тема евгеники, в литературе берущая начало в «Утопии» Т. Мора

и «Республике» Платона, а в науке оформившаяся как учение в 1860-е гг. в работах Фрэнсиса Гальтона¹. Впрочем, обсуждение проблем человеческой селекции оказывается тесно связанным с обсуждением эволюционных теорий человека и общества в целом.

В это время конкурирующие теории эволюции становятся центральными в дискуссиях о стратегии общественного развития. Так, в «Вестях ниоткуда» Уильям Моррис нарисовал картину социалистического будущего без мальтузианской ловушки² — как результата эволюционного процесса по Ламарку, т. е. как «творческой эволюции». Данная картина будущего нашла широкий отклик в среде фабианских социалистов, выступавших за медленное поступательное самосовершенствование общества. В то же время Герберт Уэллс, некоторое время состоявший в обществе фабианцев, несмотря на свой изначально-

¹ Фрэнсис Гальтон (1822–1911), английский исследователь, антрополог и психолог, занимавшийся вопросами наследственности, создатель термина «евгеника». В работе «Наследственный гений» ("Hereditary genius", 1869) Гальтон после тщательного изучения генеалогии знаменитых людей приходит к выводу, что гениальность передается по наследству.

² Согласно точке зрения Томаса Мальтуса (1766–1834), изложенной в «Опыте о законе народонаселения» (1798), население растет гораздо быстрее, чем производство продуктов питания на душу населения, а потому условия жизни большинства людей, несмотря на технический прогресс, не улучшаются.

БУГАЕВА Любовь Дмитриевна / Lyubov BUGAEVA

| Топос и телос петербургской утопии: Николай Федоров |

ный интерес к утопическим взглядам Морриса, напротив, под влиянием идей Хаксли и Мальтуса дистанцировался от ламаркизма.

Хаксли сформулировал концепцию «этической эволюции»³, которая, собственно, и явилась ответом Мальтусу. По мнению Хаксли, в случае борьбы людей за существование, в отличие от борьбы конкурирующих между собой животных, имеет место «этический процесс», конечным этапом которого является не «the survival of the fittest», но выживание тех, «who are ethically the best»⁴. В «Современной утопии» Уэллс, как и Хаксли, выступает за моральное (этическое) совершенствование человека при помощи образования, которое у Уэллса носит в первую очередь морально-воспитательный характер⁵. В человеческом обществе «этический процесс» доминирует (или должен доминировать) над характерной для мира животных борьбой за выживание, потому естественные процессы необходимо усовершенствовать на моральной основе. Вполне закономерен в таком случае вывод Уэллса о необходимости ограничения и регулирования деторождения с «этических» позиций. В Утопии родившиеся калеками, идиоты, сумасшедшие и пьяницы представляют собой «вымирающее поколение». Подобных людей не уничтожают, но лишают возможности иметь потомство. Убивают же «всех уродливых вырождков, только что родившихся младенцев с зародышами опасных для общества болезней, с неправильным развитием, с чудовищными отклонениями от нормального типа»⁶. В этом и заключается «социальная хирургия», которую осуществляет партия интеллектуалов — «самураев Утопии», занимающих особую позицию по сравнению с обыкновенными людьми.

Соглашаясь с Мальтусом, что «государство, население которого возрастает, подчиняясь ничем не сдерживаемому инстинкту, может прогрессировать лишь от дурного к худшему», Уэллс приходит к мысли, что деторождение должно находиться под строгим контролем государства. Ограничение деторождения или запрет на него среди определенных слоев населения — это всего лишь один из вариантов конкуренции видов: «Вместо того чтобы соперничать между собой в более или менее ловком спасении от смерти и страданий, мы можем соперничать на поприще права давать жизнь, а побежденным будет выдаваться какое угодно вознаграждение»⁷. Не менее регламентированы в Утопии Уэллса и законы о браке. «Принудительное спаривание» специально отобранных для улучшения расы индивидуумов считается нелепостью, однако государство вправе требовать, «чтобы лица, которые поручают обществу своих детей, являющихся для этой общины тяжкой ношей, представляли собою известную минимальную действующую силу, то есть занимали бы обеспеченное положение, чтобы они были не моложе известного возраста, отличались бы минимальным установленным физическим развитием и не страдали бы недугами,

которые передаются потомству», и не являлись преступниками⁸. Государство в Утопии наделено правом вмешиваться в частное пространство семьи в вопросе о деторождении, так как здоровье детей рассматривается как главнейший интерес государства. В брак разрешается вступать только после достижения мужчиной и женщиной определенного возраста, а несколько детей могут иметь только совершенно здоровые люди с доходом, превышающим минимальный заработок. Для Уэллса, как и для американских прагматистов, главным критерием в законах государства и принципах построения общества является эффективность. Как известно, в прагматизме Ч. С. Пирса понятие объекта есть понятие о сумме его практических следствий, полученное на основе опыта. С точки зрения Уэллса, данные практические следствия должны быть эффективными.

В русской утопии обсуждение проблем человеческой селекции также оказывается связанным с обсуждением моделей и путей развития общества, в первую очередь — социалистической. Иногда можно слышать мнения, что принцип борьбы за существование и другие идеи Мальтуса не созвучны русской ментальности⁹. Однако именно идеи Мальтуса, Хаксли и Уэллса обыгрываются в небольшой повести петербургского журналиста Николая Д. Федорова «Вечер в 2217», вышедшей, как и перевод на русский язык «Современной утопии» Уэллса, в Санкт-Петербурге в 1906 году и ставшей текстом-симптомом, в котором проявились характерные черты русской, более того — петербургской, утопии.

Действие повести происходит в Санкт-Петербурге. В русском обществе будущего, как и в Утопии Уэллса, государство контролирует деторождение. Принудительного спаривания, как и в Утопии, нет, но есть определенная система правил и законов, нацеленная на улучшение генетических свойств будущего поколения. Есть основная масса взрослого населения, которая состоит в Армии Труда. Мужчины и женщины работают по четыре часа в день, время от времени меняя одно рабочее место на другое, например, переходят с сортировки пакетов на макаронное производство или с полировки стекол на инструментальный цех. Роскоши нет, еда отличается простотой (молоко, печенье, хлеб, масло), что говорит о том, что общество все-таки оказалось в мальтузианской ловушке. В 2217 году считается, что гениальность передается по наследству, в результате, можно запрограммировать склонности будущего ребенка. Поэтому в государстве существует система записи женщин на прием к мужчинам, талантливым в той или иной области: ученым, музыкантам, художникам и т. п. На прием приходят девушки в возрасте двадцати пяти — двадцати шести лет, так и не нашедшие себе партнера для сексуальных отношений и для выполнения долга перед обществом — рождения ребенка. Отсутствие партнера не освобождает девушку от обязательств перед обществом, а потому нежелание записаться на прием расценивается как «уклонение» от службы обществу. Мужчи-

³ В лекции «Эволюция и этика», прочитанной в 1893 г.

⁴ Huxley Thomas H. Evolution and Ethics and Other Essays // Project Gutenberg <http://www.gutenberg.org/cache/epub/2940/pg2940.html>

⁵ О влиянии взглядов Т. Хаксли на Г. Уэллса см.: Partington John S. The Death of the Static: H.G. Wells and the Kinetic Utopia // Utopian Studies. 2000. No. 11.2. p. 96.

⁶ Уэллс Г. Современная утопия / Пер. с англ. В. Зиновьева. М.: Книжный Клуб Книговек; СПб.: Северо-Запад, 2010. с. 124.

⁷ Там же. с. 161–162.

⁸ Там же. С. 164–165.

⁹ Пустильник С. Чисто английская доктрина. Дарвин или пророк Моисей — третьего не дано // Независимая газета. Приложение. Наука. 2009–02–11 [Электронный ресурс] http://www.ng.ru/science/2009-02-11/13_doktrina.html

БУГАЕВА Любовь Дмитриевна / Lyubov BUGAEVA

| Топос и телос петербургской утопии: Николай Федоров |

на выбирает из числа записавшихся к нему кандидаток. Вот как происходит прием у «восходящей звезды» исторической науки — доктора Карпова:

В комнате, светлой, но заставленной цветами, сидело уже больше двадцати женщин и девушек, и каждую минуту прибывали все новые. Некоторые, видимо, были смущены и сидели опустив глаза и сложив руки; другие разговаривали вполголоса. Комната наполнялась, и казалось, что в ней не хватит места, чтобы принять всех желающих записаться у восходящего светила. А они все шли и шли, и каждую минуту подъемная машина выпускала их на площадку по одной, по две, по три.

Около половины третьего вышел в мягком домашнем костюме и в мягких туфлях Карпов. Женщины уже избаловали его, но сегодняшним напыльвом он был, по-видимому, все-таки смущен и остановился в замешательстве.

Было больше пятидесяти кандидаток. Остановившись посреди комнаты, Карпов сделал общий поклон и обвел глазами лица и фигуры. Совсем некрасивых не было. Как всегда, у каждой на плече был пришит ее рабочий номер. И, вынув маленькую с золотым обрезом книжечку и крохотный карандаш, Карпов отметил несколько номеров, еще раз обводя взглядом всех кандидаток, и, сделав снова общий поклон, скрылся в ту же дверь, через которую вошел¹⁰.

Главной героине повести Аглае хочется — как в старые времена — иметь не временные партнерские отношения или секс со знаменитостью по записи, а настоящую семью, прожить с любимым человеком долгую жизнь, вместе с ним воспитывать детей, а не отдавать детей на воспитание государству. Однако, обвиненная в уклонении от выполнения обязательств перед обществом, «великовозрастная» Аглая (которой уже почти двадцать шесть лет) отправляется на запись к Карпову, а через некоторое время — на вечерний прием. Выполнение обязательств перед государством не приносит Аглае спокойствия, но напротив, вызывает чувства униженности и подавленности. Встретившись у подружки с товарищем по Армии Труда Павлом Витинским, Аглая понимает, что она не единственная, кто мечтает о любви и семье: Павел разделяет ее взгляды, он тоже является сторонником свободного выбора как любимого человека, так и профессии, и веры. Встреча с Павлом и его объяснение любви происходят для Аглаи слишком поздно. Аглая кончает жизнь самоубийством, а Павел читает в информационном бюллетене следующее сообщение: «На воздушной станции № 3 гражданин № 4372221 бросилась под воздушник и поднята без признаков жизни. Причины неизвестны» (42).

Движение Аглаи от начала повести к концу истории, в сюжетном плане — от жизни к смерти, имеет еще одну траекторию — ее движение по городу. Петербургское пространство, равно как и перемещения в нем Аглаи, наполняется символическим смыслом. Действие повести и движение Аглаи начинается на углу Невского и Литейного проспектов. На транспорте

будущего — «самодвижке» Аглая пересекает Литейный проспект, Троицкую улицу¹¹, парк на Фонтанке¹² и, проехав нужный ей поворот, доезжает до Екатерининской улицы¹³. Вскоре после этого сходит с самодвижки и направляется к собору¹⁴. Путь Аглаи на самодвижке представляет собой движение по прямой — по Невскому проспекту (или вдоль Невского проспекта) в направлении Адмиралтейства. Сойдя с самодвижки и повернув к собору, Аглая тем самым нарушает прямолинейность своего движения, что в символическом плане соотносится с нарушением ею пути, определенного государством для всех членов общества. Не случайно обвинение в адрес Аглаи со стороны тысячной Краг — «Вы уклоняетесь от службы обществу» (29). О самой же Краг известно, что ее «многие не любили за ее прямолинейность и строгость» (29).

Аглае нравится сохранившийся в районе собора «старый уголок» Петербурга, в котором «живут тени прошлого, былого, ушедшего невозвратно» (26). Ей нравятся маленькие кустики, цветнички, песчаные дорожки, фонтан, газетный киоск. Аглая воображает, как после службы люди расходятся по темным улицам и каждый идет в «свой дом» — предмет ее мечты. Аглае приходят в голову мысли о «старинных борцах за правду», о студентах-революционерах, ей представляется, что «кругом нее стоит огромная толпа притихших людей», которые «собрались здесь, робкие и измученные, с бьющимся сердцем и тревогой в душе, чтобы поднять в первый раз красное знамя свободы», Аглая «слышит голоса, надорванные, звенящие слезами, видит наивные, полные веры, горящие и одушевленные лица» (27). События, которые представляет сидящая перед Казанским собором Аглая, — это, вероятно, события 6 декабря 1876 года, когда на площади перед собором состоялась первая в России политическая демонстрация, в которой участвовали рабочие.

Посидев перед собором, Аглая едет к подружке Любе, которая живет в доме номер девять на улице, о которой известно, что Аглая ее проехала, когда направлялась к подружке и сев на самодвижку на углу Невского и Литейного, переехав Троицкую и парк на Фонтанке, доехала до Екатерининской улицы (Малой Садовой). Улица, которую проехала Аглая на отрезке пути между Фонтанкой и Екатерининской, — это Караванная улица. В доме номер 9 на Караванной улице в 1906 г. находилось большевистское издательство «Вперед», созданное В. Д. Бонч-Бруевичем, и книжный магазин издательства.

Подруга Аглаи Люба защищает существующий общественный порядок (что закономерно вытекает из связанных с ее домом большевистских ассоциаций): «Столетиями, тысячелетиями стонало человечество, мучилось, корчило в крови и слезах. Наконец его муки были разрешены, оно дошло до решения вековых вопросов. Нет больше несчастных, обездоленных, забытых. Все имеют доступ к свету, теплу, все сыты, все могут учиться» (36). Влюбленный в Аглаю Павел, напро-

¹⁰ Федоров Н. Вечер в 2217 году // Вечер в 2217 году / Сост., авт. предисл. и коммент. В.П. Шестаков. М.: Прогресс, 1990. (Утопия и антиутопия XX века). С. 30. Здесь и далее цитаты из повести Федорова приводятся в тексте с указанием в скобках страницы.

¹¹ Сейчас это улица Рубинштейна. Улица ведет свою историю с середины XVIII в.; название «Троицкая» улица носила с 1887 по 1929 год.

¹² Аничков сад около Аничкова дворца (сейчас здесь размещается Санкт-Петербургский дворец творчества юных).

¹³ Сейчас это Малая Садовая улица; название «Екатерининская» улица получила в 1887 году, через четыре года после открытия памятника Екатерине II на другой стороне Невского проспекта и называлась так до 1917 года.

¹⁴ Речь идет о Казанском соборе.

БУГАЕВА Любовь Дмитриевна / Lyubov BUGAEVA

| Топос и телос петербургской утопии: Николай Федоров |

тив, считает, что все эти «сытые» люди, имеющие доступ «к свету, теплу», — рабы. Господ как отдельных личностей нет, но есть «один страшный господин» — это толпа, «ужасное “большинство”», «проклятое, бессмысленное большинство, камень, давящий всякое свободное движение». В социалистическом обществе, как считает Павел, есть свобода умереть, но нет свободы выбрать жизнь по своему желанию. Люди, лишённые свободного выбора своей судьбы, представляются ему мертвыми автоматами и вызывают в нем отвращение: «я так и передумал бы этих спокойных, холодных и бездушных, как машины, людей» (39).

После разговора в доме Любы Аглая и Павел отправляются гулять по ночному Петербургу в направлении Литейного проспекта. На станции воздушника (транспортного средства, курсирующего между городом и накрывающим город куполом) происходит объяснение Павла в любви и признание Аглаи, что после визита к Карпову она недостойна его любви. Именно здесь, на пересечении Невского и Литейного, Аглая садится на самодвижку в начале повести и здесь она кончает жизнь самоубийством, бросившись с платформы под опускавшийся воздушник. Движение Аглаи вечером 2217 года оказывается движением по кругу: в конце движения она возвращается к исходной точке.

Все события повести вечером 2217 года происходят на левом берегу Невы. И.П. Смирнов, рассматривая дискурсивные отображения Петербурга, сопоставляет Петербург с Фивами и выстраивает соответствия между неским Правобережьем и городом мертвых в Фивах¹⁵. Левобережье, хотя и гетерогенное по составу, имеет ярко выраженную центральную часть — «нарядный и праздничный» Петербург. По мнению Смирнова, на левом берегу Петербург повернут к Большой Неве правительственными зданиями, а на правом берегу — разнообразными входами в царство смерти (Кунсткамера, Кронверкский арсенал, тюрьмы, Петропавловская крепость и т. д.). Противопоставление правого и левого берегов Невы — это противопоставление смертного и витального городов. В литературном дискурсе XIX в. смерть не вторгается в имперское пространство левого берега. Изменение позиций правого и левого берегов Смирнов обнаруживает лишь после революции 1917 г.

Утопическая повесть Федорова, повествующая о государстве победившего социализма, производит эту меню раньше — в 1906 г. Пространством смерти оказывается центральная часть левобережья — Невский проспект. Правый берег в повести вытеснен из времени истории во время воспоминания. Там, на правом берегу Невы — в университете — происходит первая встреча Аглаи и Карпова. Карпов защищает диссертацию на тему «Институт семьи в дореформенной Европе»; защита происходит весной, «когда в раскрытые части крыши врывается прохладный, душистый ветер и деревья ласково шелестели своими блестящими листьями» (28). Вдохновленная выступлением Карпова, «охваченная волною прохладного весеннего ветра», Аглая решает записаться к нему на визит. Университет, как известно, находится на правом берегу Невы, в классификации И.П. Смирнова отнесенном к пространству смерти. Здесь, неда-

леко от университета, находится Кунсткамера, где выставлены для показа мертвые уроды, Академия художеств, где хранятся копии с античных скульптур, Кронверкский арсенал и Петропавловская крепость. Здесь, на Васильевском острове, смерть настигает героиню пушкинского «Медном всаднике». Весенний ветер Правобережья, толкнувший Аглаю на визит к Карпову, в результате толкает ее к смерти. В этом смысле повесть следует обозначенной И.П. Смирновым смертной символике Правобережья. Однако смерть Аглаи — это также выпадение ее из социальной системы, а потому — освобождение. Не случайно рождение мысли о самоубийстве сопровождается у Аглаи предчувствием «какого-то еще небывалого счастья» (41). Очевидно, что в петербургской утопии Федорова все изображенное петербургское пространство — и левый, и правый берег — есть мертвый город.

Помимо соответствия пространственных перемещений Аглаи и ее движения по жизни петербургские локусы наполняются смыслом, связанным с планом утопии как модели общественного устройства. Проблема селекции человека, хотя и выполняющая в повести роль основного сюжетного конфликта, не единственная проблема в утопическом будущем. Повесть Федорова создает негативный образ коммунистического общества, в котором власть принадлежит не отдельным личностям, а государству. В отличие от знаменитой утопии Эдварда Беллами «Взгляд назад», с которой повесть Федорова сближает ряд внешних черт, таких как организация всех граждан в Армию Труда, короткий рабочий день, свободное время для саморазвития и т.п., «Вечер в 2217 году» отличает ярко выраженное отрицательное отношение автора к социалистической модели общественного устройства. Петербург утопического будущего сверху накрыт куполом, позволяющим постоянно поддерживать в городе летнюю температуру и выращивать на Невском проспекте и на Марсовом поле пальмы и магнолии. Этот купол отгораживает утопический город не только от холода, но и от красоты неба, где горят «миллионы драгоценных камней, то горячих, как рубин, то ярких и острых, как изумруды, то тусклых и ленивых, как аметисты» (25).

В 1906 году повесть Федорова была напечатана отдельным изданием с послесловием, не вошедшим в последующие переиздания. В послесловии, построенном в форме диалога, один из собеседников высказывает мысль, что торжество социализма будет временным и частичным, что закономерно и происходит «со всеми учениями, созданными людьми». Причины будущего краха социализма (в 1906 г., заметим, тогда еще не победившего) говорящий видит в его «излишней преданности земле и земным благам, в узости <...> содержания», в избыточной материальности¹⁶. Петербургская утопия Федорова, обратившись к вопросам селекции человека, увязывает их с вопросами общественного развития и проигрывает вариант социалистического будущего. В представленной в повести Федорова утопической модели, несмотря на очевидное знакомство писателя с работами Томаса Хаксли и Герберта Уэллса не происходит «этической революции», но доминирует кризисное сознание, в котором смерть выступает как необходимость и

¹⁵ Смирнов И.П. Петербург: город мертвых // Смирнов И.П. Генезис. Философские очерки по социокультурной начинательности. СПб.: Алетейя, 2006. С. 223–224.

¹⁶ Федоров Н. Вечер... в 2217 г. СПб.: Типо-Литограф. «Герольд», 1906. С. 32.

РУССКАЯ УТОПИЯ / RUSSIAN UTOPIA*БУГАЕВА Любовь Дмитриевна / Lyubov BUGAEVA***| Топос и телос петербургской утопии: Николай Федоров |**

путь к освобождению. Несмотря на отдельные параллели с построенным на идеях классического марксизма утопическим обществом в романе Э. Беллами, государство в утопии Федорова лишено характерного для утопии Беллами оптимизма и веры в прогресс. Надеждам рабочих, собравшихся в 1876 г. на демонстрацию перед Казанским собором, в утопии Федорова не суждено сбыться. Не ведет к светлому будущему и человеческая

селекция: мужчины-избранники не являются высшей расой, подобной «самураям» Уэллса. В отсутствие «этической революции» и они, и рядовые Армии Туда были и остаются рабами. Прекрасная эпоха в российской действительности предстает в результате закатом утопической картины мира, временем, когда происходит смена утопической картины мира на дистопическую.

